

Для цитирования: Шевченко И.С. Концепты этики в диахронической перспективе // Человек. Язык. Культура : сб. научн. статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В.В. Колесов, М.Вл. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев : Изд. дом Д. Бурого, 2013. – Ч. 1. – С. 472–480. (Серия «Концептуальный и лингвальный мир»). Вып. 2).

Please cite as: Shevchenko, I.S. (2013). *Koncepty jetiki v diahronicheskoy perspektive* [Concepts of ethics in a diachronic perspective perspective]. *Chelovek. Jazyk. Kul'tura: Sbornik nauchn. statej, posvjashhenykh 60-letnemu jubileju prof. V.I. Karasika: v 2-h ch.; otv. sored. V.V. Kolesov, M.Vl. Pimenova, V.I. Terkulov.* – Kiev: Izd. dom D. Burago - Person. Language. Culture. A collection of articles to the 60th anniversary of prof. V.Karasik. *Культура: in 2 parts. (eds.)V. Kolesov, M. Pimenova, V. Terculov.* Kyiv: Burago Publ., 1, 472–480 (in Russian)

И.С. Шевченко
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

КОНЦЕПТЫ ЭТИКИ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Становление когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики [13] и объединение усилий исследователей гуманитарной сферы в попытке комплексного осознания человека, его духовной сферы и языка [17] в последние годы обусловило особое внимание к проблемам когнитивистики в их эволюционном ракурсе. Профессор В.И. Карасик одним из первых сформулировал идеи инволюции и эволюции концепта – «динамики смысла в интервале между исходным и развивающимся содержанием концепта», которая проявляется как «смысловое расширение и сжатие» [12: 179]. Обоснованные им идеи в области дискурсологии, социолингвистики, лингвоперсонологии вместе с разработанной волгоградскими исследователями лингвокультурной теорией концепта служат базой, объединяющей лингвистов России, Украины, Белоруссии, имеющих честь принадлежать к школе лингвокультурной концептологии. Эта статья – дань признания плодотворности научных идей профессора В.И. Карасика и благодарности за щедрость, с которой он, не жалея усилий, делится ими с коллегами и учениками.

Разработки В.И. Карасика находят применение и развитие в рамках исследовательского проекта «Эволюция концептов в английской языковой картине мира» в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина. Историческая динамика прослежена в концептах этики и религии, таких как ДОБРО / GOOD (И.В. Змиева [9]), ГРЕХ / SIN (О.В. Ваховская [3]), СКРОМНОСТЬ / MODESTY [20], БОГ / GOD (А.В. Полина [16]), в концепте ВРЕМЯ / TIME (Е.В. Бондаренко [2]), в синтаксически представленных концептах простого древнеанглийского предложения (Е.В. Михайлова [14]). При этом концепты разных типов демонстрируют исторические изменения по различным параметрам, существенно отличающимися, с одной стороны, для лингвокультурного концепта (как категориального, так и некатегориального), а с другой – для когнитивного концепта.

В концептах разных типов историческая динамика проявляется в трансформациях различных составляющих: для некатегориальных

лингвокультурных концептов (ГРЕХ / SIN, СКРОМНОСТЬ / MODESTY) – в понятийных, образных, ценностных компонентах; для категориальных концептов (ДОБРО / GOOD) – в наполнении и конфигурации субкатегорий и их расширений; для когнитивных концептов (БОГ / GOD) – в разном наполнении фреймов и слотов межфреймовой сети концепта и в изменении их конфигурации в отдельные эпохи; для онтологического концепта - телеонома ВРЕМЯ / TIME, имеющего в качестве когнитивной основы матрицу доменов, – в варьировании ее наполнителей-концептов. Рассмотрим особенности изменений концептов отдельных типов в диахронической перспективе.

Концепты этики принадлежат к числу лингвокультурных, это сложные ментальные образования, включающие образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты [12: 221]. Нравственные ценности определяют сущность этики, что свидетельствует о внутренней неразрывности понятийного с ценностным и образного с ценностным компонентов в структуре этических концептов. Их диахроническое варьирование затрагивает как структуру концептов в целом, так и их понятийно-ценностный и образно-ценностный аспекты, изменение которых не изоморфно: оно протекает с разной скоростью и в разной степени трансформирует отдельные аспекты концептов этики.

Концепт существует «не как застывший информационный ‘сгусток’, передаваемый от поколения к поколению, а как непрекращающийся процесс ассоциирования и номинации феноменов отражаемой сознанием действительности» [18: 284], концепт предполагает историческую изменчивость [19] и может быть реконструирован на основе данных языка [6]. Поэтому диахронический анализ лингвокультурных концептов этики разных типов неизбежно отталкивается от этимологии и внутренней формы имени концепта (ср.: в концепте как «факте культуры» Ю.С. Степанов выделяет исходную форму (этимологию); сжатую до основных признаков содержания историю; современные ассоциации; оценки и т.д. [19: 41–45]).

Центром лингвокультурного концепта, категориального и некатегориального, «всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [10: 98]. В сфере этики основным параметрическим концептом выступает **категориальный концепт - телеоном ДОБРО / GOOD** – одновременно и ценность, и оператор позитивной оценки, в чем проявляются его неразрывно связанные онтологическая и эпистемологическая сущность [9].

Предметно-ценностная составляющая ДОБРА репрезентирует ситуацию оценивания – взаимодействие субъекта и объекта по поводу эталона/нормы, опосредованного контекстом и областью опыта, причем универсальная ценность ДОБРА делает его одновременно эталоном и

инструментом оценки. Семантическое пространство ДОБРА структурировано двумя сегментами – материальным и духовным; его ценностная составляющая градуирована относительно параметров ценностей и оценки: моральное (религиозное, духовное) ДОБРО первично, духовные ценности относятся к высшим слоям, а нижние уровни занимают утилитарные ценности [9].

ДОБРО как категориальный концепт служит центром одноименной понятийной категории, структурированной схемой ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ и включающей суперординатную категорию ДОБРО и четыре радиальные субординатные категории. Суперординатная категория ДОБРО образована кластером четырех когнитивных моделей, заданных четырьмя гиперсемами слова *good*. Члены суперординатной категории обладают полным набором критериальных свойств, отраженных в значениях прототипического имени категории – прилагательном *good*.

Лексически выраженные в английском языке четыре субординатные категории ПРИЯТНОСТЬ / УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, МОРАЛЬНОСТЬ, КАЧЕСТВО / ВЫСОКИЙ СТАНДАРТ, ДОСТАТОЧНОСТЬ КАЧЕСТВА / КОЛИЧЕСТВА (их имена – *pleasing, kind, capable, valid*) и их расширения представляют собой варианты суперординатной категории с неполным набором признаков, не порождаемые, но мотивируемые ею [21].

Ценности трансформируются исторически: «происходит не переоценка ценностей, <...> а переоценка самой жизни с ценностной точки зрения. Сами ценности не могут переоцениваться, они надвременны и надисторичны, но изменяется ценностное сознание» [15: 63], что отражается в изменении набора ценностей, предстающих в качестве критериев оценок действительности. В частности, в категории ДОБРО существенно варьируются отдельные субкатегории, сужается набор расширений, относящихся к сегменту «Духовное» за счет увеличения сегмента «Материальное» [21].

Диахроническую вариативность обнаруживают не только категориальные, но и **некатегориальные лингвокультурные концепты**, среди них параметрические регулятивы ГРЕХ и СКРОМНОСТЬ. Мораль и религия – важнейшие составляющие духовной сферы человека, обеспечивающие стабильность самих цивилизационных устоев человека как вида и его существования в обществе, преемственность и развитие, а историческое варьирование концептов этики – параметрических регулятивов соответствует социально-историческим изменениям культуры и общества. Все концепты этики являются результатом когнитивной процедуры оценивания и имеют градуальный характер: в частности, некоторые этические нарушения воспринимаются как более, а некоторые как менее греховные [4]: для греховности шкала определяется в сознании индивида культурно детерминированным «чувством греха» [24]: *We are constantly breaking the rules and thereby committing sin, but some kinds of*

offence are more disturbing than others /BNC/. Эпистемологическая (моделируемая) сущность ГРЕХА как культурно детерминированного феномена заключается, с одной стороны, в несовпадении представлений о ГРЕХЕ в культурах различных народов, а с другой, в исторической изменчивости представлений о ГРЕХЕ в рамках одной культуры, вплоть до изменения характера его оценки с негативной на амбивалентную и подчас позитивную в современном дискурсе: *'Twas sin before, but now 'tis charity* /W. Shakespeare/ и в изменении номенклатуры грехов (Ватикан признал новые в XX веке): *Abortion, divorce, premarital sex, and drug trafficking are listed as serious sins* /BNC/.

Процедуры оценивания раскрывают и градуальный характер СКРОМНОСТИ: исторически формируясь в рамках религиозных стереотипов, в светской культуре СКРОМНОСТЬ в Англии достигает наибольшей значимости в Викторианскую эпоху, причем полярность оценки моральных приоритетов углубляется со временем: если в дискурсе начала правления королевы Виктории преобладает позитивная оценка СКРОМНОСТИ / MODESTY, то современное общество все чаще негативно воспринимает доминанты викторианской морали как фальшивые и лицемерные – PRUDE / ХАНЖЕСКИЕ. Более того, в прагматичной культуре современной Америки оценка СКРОМНОСТИ меняется от эталона добродетели до помехи на пути к личному успеху.

Общественная значимость норм этики определяет этические концепты как социокультурные регулятивы [11: 188], т.е. ментальные образования, в структуре которых главное место занимает ценностный компонент (включающий ценности и нормы поведения) [10]. По мнению В.И. Карасика, концепты-регулятивы «в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения» и поэтому «представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности народа» [10: 29].

Ментальная природа человека «не является абсолютно константной ни во времени, ни в пространстве» [18: 13]: «в разные эпохи и в различных культурах люди <...> конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира» [5: 27–29]. С учетом связи концептов этики с ментальностью и культурой общества можно уточнить известную трактовку социокультурного регулятива и считать его двухмерным лингвокультурным и социодинамическим феноменом. Относительная неизменность понятийного компонента концепта (для ГРЕХ – это [НЕЧТО оценивается как НАРУШЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО ЗАКОНА], для СКРОМНОСТЬ – [НЕЧТО оценивается как БЛАГОПРИСТОЙНОЕ и УМЕРЕННОЕ] и т.п.) обеспечивает его историческую стабильность и узнаваемость в различных дискурсах, а трансформации образно-ценностной составляющей как

результат социокультурных сдвигов обуславливают изменчивость концепта.

Концепты этики зарождаются в рамках античных и религиозных представлений о требованиях аскезы, умеренности и подчинения чувств, страстей, желаний благочестивому разуму [22]. Не случайно одним из основных факторов исторического варьирования этих концептов является постепенная секуляризация, «обмирщение» западного социума и культуры. В частности, в соответствии с культурно-исторической ситуацией наименьшая степень варьирования понятийно-ценностных характеристик ГРЕХА обнаружена в дискурсе XIV–XV вв.; в XVI в. – веке «секуляризации морали» – «лишаясь связи с божественным, мораль теряет часть регулятивной силы и внутреннего единства. В поведении чаще действуют утилитарные, гедонистические и другие неморальные мотивы, и на этом фоне растет число отклонений и преступлений» [22: 410]. Трансформации ГРЕХА в дискурсе XVI–XXI вв. – это единый поступательный процесс усиления небиблейской (нейтральной и положительной) оценки ГРЕХА (*the beauty of their sin* /O. Wilde/). При сохранении этой тенденции, формирование основных вариантных содержательных признаков ГРЕХА происходит в XVI – конце XIX вв.: (1) ГРЕХ осмысляется как нерелигиозный опыт, о чем свидетельствуют непрототипические значения и нетипичные коллокации имени концепта – лексемы *sin* (п.), (2) переосмысливается всеобщность ГРЕХА: при сохранении гендерного аспекта концепта (греховность приписывается, в основном, женщине), в его светском опыте появляются классовые и расовые моменты (он ассоциируется с низшими классами, людьми не белой расы и т.п.). Дискурс XIX в. фиксирует наибольшее число вариантных, часто противоречивых характеристик ГРЕХА.

При воплощении образно-ценностной составляющей концептов этики метафоры и метонимии используют библейскую систему образов и христианскую религиозную символику – структурно взаимосвязанную совокупность религиозных символов (например, *тьма*, *лес* – символы греха, *агнец* – символ кротости и смирения и т.п.). Диахронически постоянными метафорами концептов этики являются т.н. теологические метафоры, используемые в Библии, а метонимиями – те, что восходят к христианской религиозной символике.

Так, метафорическая концептуализация ГРЕХА осуществляется посредством целого ряда концептов-коррелятов, образующих диапазон исторически постоянных когнитивных метафор ГРЕХА (например, ГРЕХ *есть* ВНИЗУ: *underworld of sin* /BNC/, ГРЕХ *есть* БРЕМЯ: *the weight of all her sin* /H. Rider Haggard/ и др.). Дискуссии последних лет поставили под сомнение объяснительный потенциал разделения метафор на структурные, ориентационные и пр. [23] и заставили обратиться к лексической семантике в поисках критериев классификации. В соответствии с

фрагментами целостного представления человека о мире корреляты метафор ГРЕХА упорядочены в виде четырех понятийных групп: «Физический объект», «Человек», «Животное» и «Растение» с дальнейшим выделением понятийных подгрупп по родо-видовым отношениям [3].

К метонимической номинации концепта ГРЕХ в дискурсе XIV–XXI вв. привлекаются взаимосвязанные репрезентанты ГРЕХА в метонимиях ДЬЯВОЛ *вместо* ГРЕХА, ЛЕС *вместо* ГРЕХА, КРАСНЫЙ / ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ *вместо* ГРЕХА и др. На основании их принадлежности сфере религиозного опыта ГРЕХА, объективированного в его христианской символике, они объединены в четыре понятийные группы репрезентантов, с которыми ассоциируется ГРЕХ: «Зло», «Женщина», «Признаки ГРЕХА», «Колоративный культурный код ГРЕХА» [3].

Диахроническое варьирование вторичных средств номинации ГРЕХА соответствует историческим трансформациям ценностного компонента. С одной стороны, развитие метафорических средств концептуализации ГРЕХА отражает процесс длительной разработки последнего в британской и американской лингвокультурах с сохранением его библейской оценки. С другой стороны, развитие образной составляющей ГРЕХА обусловлено секуляризацией англоязычного общества и отражает процесс переосмысления и переоценки ГРЕХА, что приводит к появлению метафор и метонимий небиблейского происхождения с нейтральной и положительной оценкой ГРЕХА (в частности, метафоры ГРЕХ *сть* ВВЕРХУ (*heights of sin* /BNC/) и метонимий СВЕТ / БЕЛЫЙ ЦВЕТ *вместо* ГРЕХА: *the fairest sin* /J. Joyce/, *white sin* /COCA/).

Если концепты этики и религии, основанные на абстрактных понятиях (добра, зла и т.п.) предстают в лингвокультурной трактовке в виде понятийной, образной, ценностной составляющих, то концепты, основанные на конкретных понятиях, допускают трактовку в терминах онтологических схем. Их принято (хоть и не вполне удачно, на наш взгляд) называть концептами **когнитивного типа** и моделировать с помощью онтологических схем – фреймов, образующих межфреймовую сеть. Их историческое варьирование особенно заметно при сопоставлении содержания слотов и конфигураций этой сети в отдельные периоды. Так, для концепта БОГ / GOD межфреймовая модель в религиозном дискурсе, включая текст Библии (отправной точке диахронического сопоставления), неизменна и сегодня, она интегрирует пять базовых фреймов: предметный, акциональный, таксономический, посессивный и компаративный (в их трактовке С.А. Жаботинской [7]). Межфреймовая сеть прототипических значений концепта БОГ в религиозной картине мира состоит из пяти базовых фреймов: предметного, включающего слоты [БОГ *есть* СТОЛЬКО (количество)], [БОГ *есть* ТАКОЙ (качество)], [БОГ *существует* ТАК (способ бытия)], [БОГ *существует* ТАМ/ТОГДА (место и время)]; акционального – [БОГ (агенса) *действует на* НЕКТО (пациенс)], [БОГ (агенса) *действует для*

НЕЧТО (цель)], [БОГ (агенса) *действует с* НЕЧТО (инструмент)], [БОГ (агенса) *действует для* НЕЧТО (бенефициант)], [БОГ (каузатор) *творит* НЕЧТО/НЕЧТО (результат)]; таксономического – [БОГ *есть* НЕЧТО (роль)]; посессивного – [БОГ (обладатель) имеет НЕЧТО/НЕЧТО (обладаемое)]; компаративного – [БОГ (референт) *есть как бы* НЕЧТО/НЕЧТО (коррелят)]. В англоязычном светском дискурсе XIV – XX вв. в отличие от религиозного концепт БОГ имеет иные конфигурации межфреймовой модели в целом и наполнение отдельных слотов [16].

По степени диахронического варьирования свойства концепта БОГ в светском дискурсе Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего времени образуют области стабильности, колебаний, нестабильности. В целом концепт БОГ в светском дискурсе по сравнению с библейской первоосновой проявляет наибольшее варьирование в XVIII и XX вв., а наименьшее – в XIV-XV и XVI-XVII вв., что соответствует культурно-исторической динамике британского общества [16]. В светском дискурсе исторически стабильно отсутствие посессивного фрейма межфреймовой сети; исторически переменны в предметном и акциональном фреймах слоты «количество», «способ бытия», «место/время», «инструмент», «цель». Заполнение слотов семантически беднее, чем в религиозном дискурсе, носит более частный характер: по данным А.В. Полиной, историческими константами для светской языковой картины мира являются лишь шесть из почти сотни семантических ролей, изначально приписываемых Богу в религиозной картине мира, это *Lord, Judge, Creator, Helper, Defender, Witness* (подобное явление В.И. Карасик определяет как *инволюцию* – «смысловое сжатие» [12: 187]); концепту БОГ приписываются небиблейские качества и оценки (вплоть до негативной *Saviour* → *unjust, cruel, indifferent, partial etc.*), он функционирует как средство выражения эмоций [16]. Как и все концепты западной этики, концепт БОГ трансформируется исторически прежде всего как результат социокультурной динамики общества, развитие языка не является первопричиной его исторической изменчивости.

Концептуальная метафора в осмыслении концепта БОГ опосредована типом дискурса: в религиозном дискурсе он выступает в роли концептуального референта; в светском – как правило, коррелята метафоры, используемой для концептуализации других областей опыта.

Диахроническое варьирование концептов не ограничивается концептами этики и религии. Об историческом развитии **концептов – телеономов когнитивного типа** свидетельствует варьирование концепта ВРЕМЯ, начиная с кельтского и древнеанглийского мифо-эпического дискурса до философского и поэтического дискурсов Великобритании VI-XXI в.в. н.э. [1]. В частности, Е.В. Бондаренко представляет модель ВРЕМЕНИ / TIME как концепт, домен или матрицу доменов (о матрице см. [8]), соотношение компонентов которых меняется в зависимости от среды

реализации и эпохи в пользу объективной, ‘холодной’ или антропоцентрической, ‘теплой’ картин мира (ХКМ или ТКМ) и достигает максимального разнообразия компонентов к XXI в. Полная концептуальная матрица состоит из доменов КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ, МЕРА / ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ, МЕСТО СУЩЕСТВОВАНИЯ, МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ; РЕЗУЛЬТАТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВРЕМЕНИ; ОБЪЕКТ ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ; ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВРЕМЕНИ; РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ; ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ, СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ и АНТЕЦЕДЕНТ ВРЕМЕНИ, которые имеют переменные наполнители-концепты в зависимости от исторического периода и типа картины мира [2].

В целом историческая вариативность модели времени имеет место за счет: (1) изменения характера пропозициональных связей концепта ВРЕМЯ (исторического перемещения концептов из одного фрейма / слота в другой); (2) изменения соотношения ‘холодных’ и ‘теплых’ компонентов и (3) трансформаций характера корреляции домена ВРЕМЯ с другими доменами в когнитивной метафоре.

Как доказывает докторское исследование Е.В. Бондаренко [2], ВРЕМЯ / TIME оказывается продуктом *анагенеза* – особого типа развития, в ходе которого одна группа трансформируется в другую без увеличения числа групп путем постепенного накопления соответствующих признаков; эволюция моделей времени, манифестированных в поэтическом дискурсе Великобритании различных эпох, с одной стороны, и моделей, реализованных в мифо-эпическом, естественно-научном и философском дискурсе соответствующих периодов, с другой, демонстрирует нелинейную зависимость между ними в отдельные исторические периоды.

Сказанное позволяет сделать вывод, что концепты этики – социокультурные регулятивы – характеризуются неразрывностью понятийно-ценностного и образно-ценностного аспектов. Концепты разных типов (лингвокультурные, когнитивные, категориальные и некатегориальные, телеономные, параметрические) диахронически изменчивы; их онтологические, аксиологические и функциональные характеристики варьируются под влиянием развития культуры, социума, языка. Историческое варьирование концептов этики затрагивает не столько их понятийно-ценностный, сколько образно-ценностный аспект, причем в разной степени; выделяются диахронические константы и переменные. В концептах разных типов историческая динамика затрагивает различные аспекты: в некатегориальных лингвокультурных концептах – образные, ценностные и (частично) понятийные составляющие; в категориальных концептах – наполнение и конфигурации субкатегорий и их расширений; в когнитивных концептах – наполнение фреймов и слотов межфреймовой сети и ее конфигурацию. Источник такого варьирования – главным образом, в социокультурных, а не языковых изменениях.

Полученные данные свидетельствует о формировании нового направления лингвистики – исторической концептологии и открывают перспективы дальнейшего анализа концептов разных типов на материале английского и других языков.

Литература:

1. Бондаренко Е. В. Время в концептуальной картине мира, реализованной в английском дискурсе / Е. В. Бондаренко // Вопросы когнитивной лингвистики – 2010. – № 1. – С. 22–27.
2. Бондаренко Е.В. Еволюція поняття часу в англійській мові та у дискурсі: дис. ... докт. філол. наук / Бондаренко Євгенія Валеріївна. – Харків, 2012. – 555 с.
3. Ваховская О.В. Вербализация концепта ГРЕХ в англоязычном дискурсе XIV–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук / Ваховская Ольга Владимировна. – Харьков, 2011. – 291 с.
4. Верещагин Е.М. Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка. Языки этики; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 235–245.
5. Гуревич А.Я. Избранные труды. – Т. 2. – Средневековый мир. – М., СПб.: Универ. книга, 1999. – 560 с.
6. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка; [сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев]. – М.: Ин-т яз-ния РАН; Тамбов: ТГУ, 2009. – С. 29–34.
7. Жаботинская С.А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – № 928. – С. 6 – 20.
8. Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели // Культура народов Причерноморья. – 2009. -- № 168. – Т. 1. – С. 254-259.
9. Змийова И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта ДОБРО в английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Змийова Ирина Владимировна. – Харьков, 2006. – 228 с.
10. Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 116 с.
11. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
12. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.

- 13.Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 14.Михайлова О.В. Просте речення в давньоанглійській мові: синтаксичний, семантичний, когнітивний та комунікативний аспекти.: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 2007. – 215 с.
- 15.Перов Ю.В., Перов В.Ю. Философия ценностей и ценностная этика. Вступ. статья // Гартман Н. Этика. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – С. 5–83.
- 16.Полина А.В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV–XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук / Полина Анна Владимировна. – Харьков, 2004. – 205 с.
- 17.Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.
- 18.Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
- 19.Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
20. Шевченко И.С. Дискурсообразующие концепты викторианства: СКРОМНОСТЬ vs. ХАНЖЕСТВО // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – №2. – С.73–84. – Режим доступа: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse>
21. Шевченко И.С., Змийова И.В. Понятийная категория ДОБРО в английской языковой картине мира // Антология концептов. Том 5. – Волгоград: Парадигма, 2007. – С.4-16.
- 22.Этика: Энциклопедический словарь / [под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова]. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
- 23.Barnden J. A. Metaphor and Metonymy: Making Their Connections More Slippery // Cognitive Linguistics. – 2010. – Volume 21. – Issue 1. – P. 1–34.
- 24.Leach E. Social Anthropology. – USA: Oxford University Press, 1983. – 254 p.